

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава двадцать девятая

159-й истребительный

«В/ч, п/п»

Недавно искал что-то в Интернете и наткнулся на статью «159-й гвардейский истребительный авиационный Краснознаменный ордена Суворова III степени полк». Я пошарил дальше и нашел массу ссылок на литературу об этом полку – и книги, и статьи, и очерки об отдельных летчиках со дня основания части в 1944-м и до наших дней. Надо же! Я после школы механиков в этом полку служил и не знал, что он такой знаменитый. И, как ни странно, замполиты нам ничего не рассказывали. Теперь называют номер полка, места его дислокации, фамилии командиров, типы самолетов и даже их номера. В мое время все это было военной тайной, полк числился под фальшивым номером в/ч п/п (воинская часть, полевая почта) 40431, а настоящий номер или фамилию командира предлагалось не выдавать врагу (если мы попадем к нему в лапы) даже под пытками. Теперь, поскольку тайны выдают без пыток и более свежие, я выдам давно устаревшие.

Я пришел в полк, когда им командовал полковник Барыбин, а моим прямым начальником был замполит эскадрильи старший лейтенант, которого в насмешку звали «Ас Мамонов». «Ас» – потому, что у него, Мамонова, были инициалы А.С. – Андрей Сергеевич. А внешне на аса он никак не был похож: невысокого роста и довольно пузат, что среди нестарых летчиков бывает нечасто. Когда в полку устраивали для младших офицеров какие-нибудь соревнования – я запомнил почему-то прыжки в длину, – так на него было жалко смотреть... Но летал он, как говорили, действительно хорошо – на МиГ-15 за номером 874 Куйбышевского авиазавода, машину, которую я готовил к полетам.

Полк наш, когда я в него пришел, стоял на северо-западе Польши у деревни Ключево возле города Старгард недалеко от Щецина, но недели через две его перевели в город Бжег на Одере. В Бжеге была шоколадная фабрика, и весь он пропах шоколадом, что я через сорок лет описал в рассказе, так и названном – «Запах шоколада». Поскольку на дворе стояли совсем другие времена, место действия я в рассказе назвал без опасения, что разглашаю военную тайну.

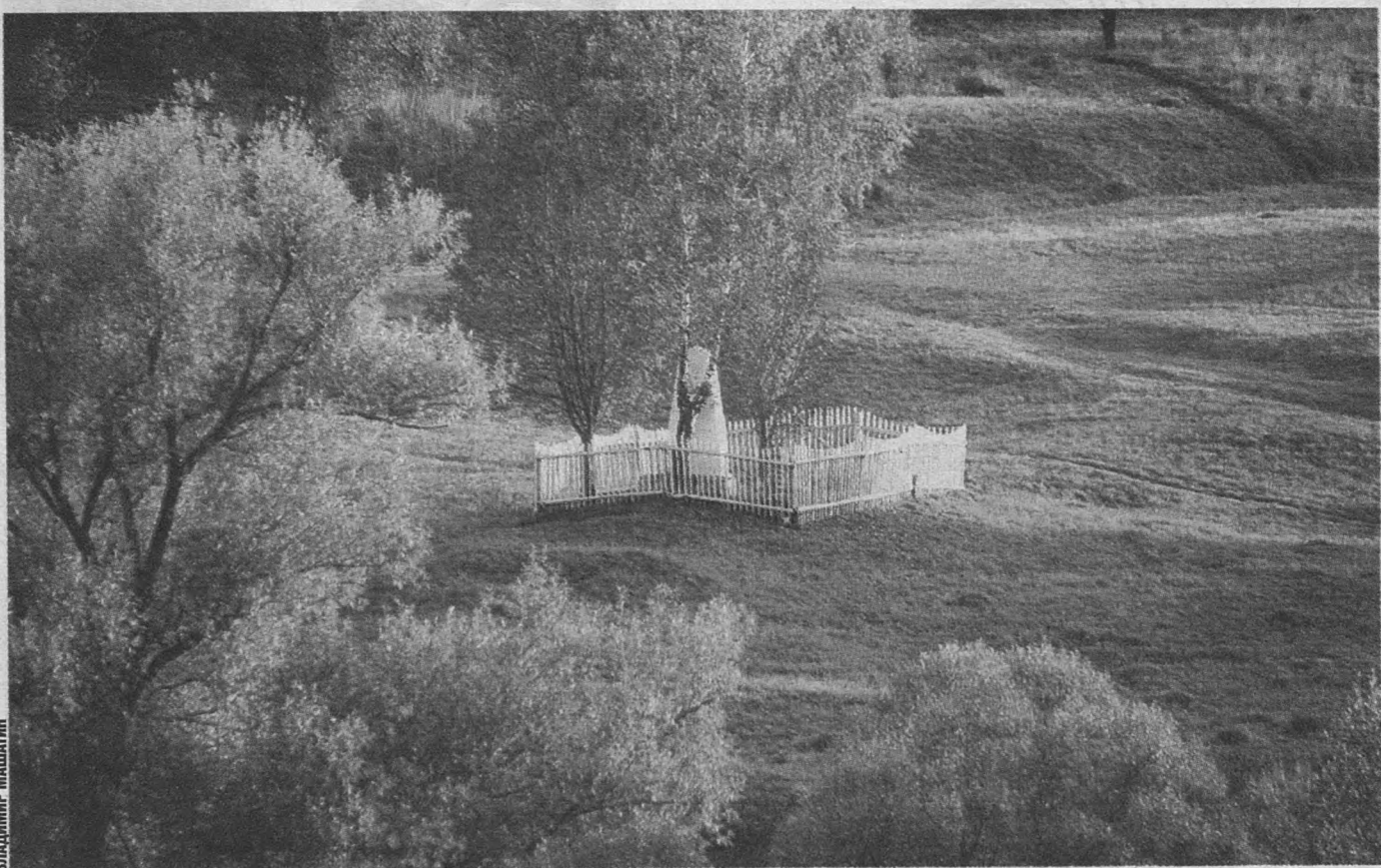
Утопленники

В ту весну в полку утонули два человека. Первым, еще в Ключеве, старший лейтенант, не помню фамилию. Он и командир дивизии полковник Балакин, который старшего лейтенанта «вывозил», то есть принимал у него экзамен по пилотированию, выполняли в «зоне» фигуры высшего пилотажа, и их «спарка» МиГ-15 УТИ (учебно-тренировочный истребитель) свалилась в штокпор. В плоский штопор, из которого выйти почти невозможно. Они и не вышли. Катапультировались и спустились на парашютах на середину большого озера. Была еще весна – вода ледяная. Старший лейтенант разделся и вскоре ноги свела судорога. Пятидесятилетний полковник не разделся и не разулся и только на берегу потерял сознание, где был найден местными рыбаками.

Согласно каким-то армейским нормам, солдат хоронили на месте, а офицеров отправляли на родину. Перед отправкой старлей лежал в Ленкомнате, меня ночью поставили к гробу часовым.

Я не суеверен, но в полночь вспомнил голевского «Вия». Гроб, в котором лежал старлей, был цинковый, с окошком из плексигласа. Я заглянул в окошко. Покойник был не зеленый и не синий, как полагается утопленникам, а нормального свежего цвета, красивый, молодой, с изогнутыми черными бровями, похожий на девушку, на ту самую Панночку из «Вия». Пожалуй, я бы не сильно удивился, если бы он открыл глаза и начал летать в гробу. Но этого, к счастью, не случилось.

Вторым утопленником, уже в Бжеге, оказался Валя Чуприн, с которым мы вместе призывались из Запорожья. Он не умел плавать,

ВЛАДИМИР МАШАТИН

Хоронили Вальку на местном кладбище. Над открытой могилой замполит сказал: «Родина тебя не забудет! Спи спокойно в польской земле!» Ровно через сорок лет я снова побывал в Бжеге, но Валину могилу не нашел. На большинстве обелисков – с начала 50-х годов и до конца 80-х, когда советские войска покинули эти места, было написано: «Неизвестный солдат»

хотел научиться, но стеснялся своего неумения, потому отходил от других подальше. Так, отойдя подальше, и утонул. Поскольку Валя был рядовым солдатом, он отправки на родину в цинковом гробу с окошком не удостоился, а родители его на похороны приехать, конечно же, не могли. Их никто не приглашал, никто не оплатил бы дорогу и визу бы никто не дал. Их могли утешить только сообщением, что сын погиб при выполнении боевого задания.

Хоронили Вальку на местном кладбище. Над открытой могилой выступил замполит полка, который сказал покойному: «Родина тебя не забудет! Спи спокойно в польской земле!», после чего отделение солдат комендантской роты отсалютовало тремя залпами из карабинов. На могиле поставили стандартный, сваренный в ПАРМе (полевая авиаремонтная мастерская) жестяной обелиск с жестяной же звездой.

Забывчивая родина

Ровно через сорок лет, летом 1993-го, я побывал в Бжеге и решил посетить Валину могилу. Взял в провожатые какого-то из живущих здесь русских, и мы довольно быстро нашли ту часть кладбища, где захоронены советские солдаты. Несколько рядов могил, совершенно запущенных и заросших сорняком. Одинаковые жестяные обелиски заржавели, некоторые были, по видимости, совсем недавно перевернуты. Копавшийся неподалеку у одной из польских могил молодой кзендз, по-женски подбирая длинный подол своего облачения, подошел ко мне и, указывая на перевернутые памятники, сказал: «Это сделали вандалы, негодяи. Я не хотел бы, чтобы вы думали, будто все поляки такие». В ответ я сказал, что не думаю – знаю, что такие подонки есть в каждом народе.

Меня вандалы не удивили. В отличие от столичных генералов, обязанных позаботиться об этих могилах, я, конечно, знал, что советские начальники и особенно любители патристической риторики, беспокоясь об отражении образа армии в литературе, всегда с пренебрежением относились и относятся к нижним чинам, но такого не ожидал. Валину могилу я не нашел. Потому что

редко на каком обелиске значилось человеческое имя. На большинстве – с начала 50-х годов до конца 80-х, до самого того времени, когда советские войска покинули эти места, было написано одно и то же: «Неизвестный солдат». Почему неизвестный? Ведь эти ребята сложили головы не в каких-то великих побоищах, где гибли тысячами и не разберешь, от кого что осталось, а по одиночке, состоя в списках здешних частей, имея при себе нужные документы. Что стоило на каждом обелиске нацарапать фамилию, инициалы, даты рождения и смерти? В надгробных речах замполиты каждому обещали, что родина его не забудет, а она, оказывается, и не собиралась их помнить.

Здесь я невольно вспомнил генералов, летевших со мной одним рейсом из Мюнхена в Москву, которые попрекали меня нелюбовью к нашей родной советской армии. Ткнуть бы их мордами в эти могилы: вот она, ваша любовь! После войны в советской армии (подозреваю, что и в нынешней тоже, но уверенно свидетельствую только о том, что испытал сам) было полное пренебрежение ко всем потребностям, желаниям, чувствам, достоинству молодого человека, которого, не спросив, лишили молодости и обрекли на долгие годы полного бесправия. Его постоянно унижали, попрекали тем, что он слишком дорого государству обходится, а случись так, что он погибнет, по их же вине, – произнесут несколько казенных слов и тут же забудут. И пальцем не пошевелят, чтобы сохранить о нем память.

Во время эмиграции я много раз встречался с американскими и германскими военными и ни разу такого отношения к солдатам не видел. В немецкой армии солдат проходит срочную службу недалеко от дома. На выходные, если не в карауле, переодевается в штатское, садится в свою машину и едет к родителям или к девушке. И своих погибших в обеих мировых войнах немцы не забывают. До сих пор ищут и, не зная каким чудом, находят своих солдат и офицеров, сгинувших в России, Украине и Белоруссии. Находят – потому что, даже отступая, когда как будто не до того было, старались записывать каждого кого где потеряли.

Американцы своих погибших, всех, кого воз-

можно, подбирают, привозят домой, покрывают национальным флагом, хоронят со всеми воинскими почестями. А кого не нашли и не опознали, ищут по многу лет. Останки сгинувших на вьетнамской войне и сегодня разыскивают, идентифицируют и хоронят за счет государства. Теперь, со времен позорной Афганской авантюры, кажется, что-то изменилось и у нас. «Груз 200», цинковые гробы, Ростовская лаборатория, где опознают людей по тем ошметкам, которые от них остались. Слава богу, хоть к покойникам стали внимательнее.

Пока на земле наводили порядок...

Авиация всегда была более либеральным родом войск, чем остальные. Пехотинцы, танкисты, артиллеристы и прочие авиаторам завидовали, злились на них и говорили, что в авиации нет порядка. Сами авиаторы соглашались: правильно, порядка нет, потому что, пока его на земле наводили, авиация в воздух поднялась. На самом деле в авиации порядок есть и довольно строгий, до мелочей, от которых зависит жизнь человека. Но тот порядок, чтобы пуговицы всегда блестели и чтоб ногу на сорок сантиметров тянуть, здесь, и правда, соблюдают не очень. В авиации все-таки всегда было меньше самодуров, чем в других войсках, и совсем особые, иногда вполне трогательные отношения складывались между летчиком и механиком, обслуживающим самолет. Осознанно или нет, летчик всегда помнил, что от механика в первую очередь зависит его безопасность, когда видел, что механик старается. А механик, если любил летчика, помнил, что тот занимается очень опасным делом, и был ему кем-то вроде Савельича при Петруше Гриневе. Разница в званиях близким отношениям не мешала, наоборот, укрепляла их. Поэтому не очень то соблюдались уставные субординационные формальности.

Еще при мне механиков в военной авиации заменили техники-офицеры, механик с первой роли перешел на вторую, а к обслуживанию современного самолета привлекаются чем дальше, тем больше специалистов по приборам, электронике, радио, вооружению, кислородному оборудованию, и та интимность, которая существовала между летчиком и механиком, когда их было двое, пропала. Не знаю, как сейчас в военной авиации, а в гражданской пилоты летают чуть ли не каждый раз с другим экипажем и обслуживаются разными техническими бригадами, которых чаще всего не знают. Может, потому и разбиваются самолеты все чаще: у семи нянек дитя без глаза, тогда как нужна одна-единственная...

Продолжение следует